

Арон Родович

18+

К
Р
О
В
Ь

МАТ

ЭХО УБИЙЦЫ: Лик, которого нет

Том I

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Арон Родович Эхо Убийцы. Лик, которого нет. Том 1

<https://litres.ru/73430968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не продолжение Эхо-13. Это отдельная история. История убийцы, которого мир знал как Безликого. Он появился в Эхо-13. Здесь же его путь с самого начала. С трущоб, где жизнь стоит дешевле трёх медных монет. С первого ножа, первого трупа, первой крови. С презрения к миру, где власть и магия решают всё, а простолюдину остаётся только подыхать в грязи. Он не маг. Не аристократ. Не герой. Он мальчишка, который слишком рано понял: убивать легче, чем выживать. Перед вами самостоятельный цикл, который можно читать отдельно от Эхо-13. Если вы знакомы с основным циклом вы увидите знакомого персонажа с другой стороны, поймёте, что сделало его тем, кем он стал. Если не знакомы вы получите законченную историю о человеке, что шаг за шагом превратил себя в идеальное оружие. Эхо Убийцы: Лик, которого нет первая глава легенды о том, как мальчишка из трущоб стал самым опасным человеком Империи.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Арон Родович
Эхо Убийцы. Лик,
которого нет. Том 1**

Предисловие

Приветствую! Это новый цикл, и снова с вами я – Ари Родович.

Эй, ты. Да-да, именно ты, кто открыл эту книгу.

Не читал «Эхо-13»? Да и хуй с ним. Это **отдельная история**. Самостоятельная. Из того же мира Эхо, но о другом человеке, о другой судьбе. Здесь нет попаданцев, нет соплей и волшебных сказочек. Здесь история убийцы. Того, кто живёт кровью и смертью.

Сразу привыкни: это произведение **18+**. Здесь будет мат. И не потому что автору слов не хватает, а потому что **сам герой так говорит**. В «Эхо-13» его речь цензурили. Здесь – нет. Тут всё как есть.

Будет кровь, насилие, алкоголь, расчленёнка, убийства. Подробно. Грязно. Жестоко. Потому что это – тёмное фэнтези. Потому что это история киллера, а не героя из романтической сказки.

Так что, если ты ждал пафоса и спасения принцесс – закрой книгу.

А если хочешь узнать, как человек превращается в оружие, то листай дальше.

Глава 1

Пришёл со школы.

С утра ушёл, вернулся вечером – злой, голодный, и в голове то же самое, что было утром: “ничего не изменилось”. В трущобах так всегда. Тут день не приносит новое, он просто сдирает с тебя ещё один тонкий слой терпения. Вышел – помойка на месте. Вернулся – помойка на месте. Люди на месте. Если, конечно, нас можно так назвать. Скорее, отбросы. Люди где-то там, подальше отсюда. Грязь на месте. Вонь тоже на месте, будто её кто-то специально сохраняет, чтобы город не забывал, где у него подвал.

Учёба? Да пошла она. Вроде правильная вещь, вроде “потом пригодится”, но это “потом” в трущобах звучит как издёвка. Тут пригодится только то, что помогает дожить до завтра. Бумага в тетради не греет, учительская рожа не кормит, а умные слова не спасают, когда тебя зажимают в переулке.

День выдался хреновый. Ни рубля не урвал. Даже мелочи. С пацанами только пожрать нашли объедков за трактиром, за тем, где нормальные люди сидят в тепле и давятся жирным, а мы скребёмся под стенами и смотрим на их крошки, как на добычу. Нам, конечно, “повезло”: выкинули остатки тушёного мяса, и кто-то не доел хлеб. Хлеб был кислый, с таким вкусом и видом, будто его уже кто-то пожевал и выплюнул. Но животу плевать на гордость. Живот говорит: “жри,

пока есть”.

Мы – дети трущоб. Это звучит красиво только у тех, кто никогда не нюхал, как пахнет мокрая гниль в подворотне. Мы живём тем, что подберём или стянем. Иногда везёт: ночью возле таверн валяются пьяные алкаши. У одного в кармане пара монет, у другого пусто. Сегодня – пусто. Зато было весело. Хотели у купца кошель спиздить – в итоге от полиции ноги уносили.

И вот это я люблю. Не “полицию”, а момент, когда ты резко становишься быстрым и сообразительным. Переулки, срезь, чужие дворы, гнилые заборы, где доска держится на одном гвозде. Ты бежишь, и всё тело работает ровно, без лишних мыслей. Сердце колотится так, что в груди будто кто-то молотком долбит. Воздух режет горло. Слышишь сзади их сапоги, их свистки, их мат, и понимаешь: если тормознёшь на секунду, тебе размажут башку о стену, потом ещё скажут, что сам виноват. Хотя кому скажут? О тебе же никто даже не просит. Всем плевать. Главное, чтоб не мешались.

Мы ушли. Как всегда – на зубах, на привычке, на том, чему учит улица лучше любой школы. В трущобах ты учишься быстро: где есть щель, там выход. Где есть толпа, там прикрытие. Где есть лестница, там шанс. А где тупик – там либо драка, либо гроб.

Я дошёл до нашей хаты уже в сумерках. Трущобы к этому часу становятся особенно мерзкими: свет уходит, а грязь остаётся. Пахнет сыростью, горелым жиром, мочой и чем-то

сладковатым, тухлым, как будто под домом кто-то сдох и его не нашли. В щелях стен шевелится жизнь: мыши, тараканы, всё это дерьмо, которое живёт рядом с нами как соседи. И самое смешное – они хотя бы честные. Они не делают вид, что всё нормально.

Дверь у нас была такая, что её можно было назвать дверью из уважения к слову “дверь”. Доски, перекошенные от времени, щели, через которые в дом лезет воздух, холод и чужие разговоры. Замка почти нет. Щеколда да проволока. От “своих” не помогает, а от “чужих” тем более. Но у нас тут логика простая: если тебя хотят ограбить, тебя ограбят. Вопрос только в том, оставят ли тебе потом зубы.

Я толкнул дверь и сразу услышал то, что слышал почти каждый день.

За стенкой – как обычно. Мать с очередным клиентом.

Он пыхтел, как свинья, и хрюкал так, что полы дрожали. У нас тонкие стены, они всё отдают обратно, как барабан. Мне плевать, но всё равно противно. Не потому что “ой, стыдно”. Потому что это бытовая мерзость, которая не кончается. Это как вечная капля воды в таз. Ты сначала злишься, потом перестаёшь замечать, а потом в один день вдруг хочешь разбить этот таз к чертям.

Я прошёл внутрь, кинул сумку в угол. Внутри было темно, и темнота была влажной. Прямо чувствовалось, как воздух липнет к коже и оседает на ней липкой пленкой. В углу – чёрное пятно плесени, оно росло годами, как будто дом сам

болеет и не хочет выздоравливать. Балки над головой потемнели, местами потрескались, и я каждый раз, когда поднимал взгляд, думал: “главное, чтобы не рухнуло ночью”. Пол гнилой. Ступаешь – и доска отвечает скрипом, будто жалуется. Запах сырости смешан со старой тряпкой, с затхлой одеждой и с тем, что принесено из улицы: грязь, дым, кухонный жир, чужой пот.

На кухне стоял стол – старый, зашарпанный, с такой столешницей, что кажется, его ещё прапрапрадед где-то подобрал и решил: “сгодится”. Ножки у него разные. Одна – подперта щепкой и кирпичом. На поверхности – порезы, застарелые пятна, вмятины. Стол был похож на нас: держится, потому что держится. Никакой красоты, только упрямство.

На столе – пиздец: чёрствый хлеб, морковка старая да яблоко, которое я сам у лавочника стянул. Свинячий корм, а не еда. Но когда голодный, ты не выбираешь. Я сел, разломил хлеб. Корка хрустнула так громко, что я сам напрягся. Хлеб был твёрдый, почти каменный. Зубы скрипнули, и этот скрип почему-то прозвучал честнее любого школьного колокольчика.

«Приятного аппетита, мать его.»

Хотя, а аппетит может быть приятным? Мне кажется он может быть только от голода. Зверского, бесконечного голода.

Жую. Медленно. Стараюсь не думать. И не нюхать то, что ем. Но руки всё равно пропитаются этой вонью.

За стеной всё продолжалось. Чужой мужик пыхтел, мать что-то шептала, иногда слышался короткий смешок, иногда – шлепок. Я смотрел на яблоко, и мне хотелось, чтобы оно было большим и сладким, чтобы хоть что-то в этой жизни было нормальным. Я взял его, вытер рукавом, откусил. Кисловатое. Сок пошёл по языку, и на секунду стало легче.

Сижу, жую хлеб и думаю: может, вечером снова выйти. Вдруг у таверны повезёт. А может, просто с пацанами пошататься, новый движ найти. Хотя сил уже почти нет: ноги гудят после беготни, спина ноет, а в висках стучит. День в трущобах высасывает всё, что у тебя есть, и возвращает обратно только злость.

И ещё имя это, блядь.

Маркиз.

Придумала мать. Слово услышала, красивым показалось – и приклеила. Знает ли она вообще, что такое “маркиз”? Что это титул, а не имя? Да ей плевать. Как и на половину вещей вокруг. Она живёт так, как умеет. А мне жить с этим клеймом. В банде сначала ржали, потом прикалывались, потом привыкли. Но внутри меня каждый раз перекручивает, когда я слышу это слово. Оно чужое. Оно не про меня. Оно про людей, которые смотрят сверху и никогда не нюхали нашу сырость.

За стенкой стихло. Видно, этот клиент кончил. Тишина стала липкой, как болотная пленка. Я даже на секунду прислушался, будто тишина сама по себе опасная. Потом снова

голоса.

И тут началось.

– Да пошла ты нахуй! – орёт он, будто у него есть право орать в чужом доме. – Я еле-еле кончил, а ты ещё и денег требуешь. Ты страшная, как тварь из разлома. Если бы случайно в ваш район не забрёл – и не зашёл бы. Денег ты не увидишь.

Мать, как обычно, оправдывается. Голос жалкий, но в нём ещё держится привычка торговаться.

– Ну как же... Ты же кончил... Я же... – она запинается, потому что ей стыдно и не стыдно одновременно, это странная смесь. – С тебя всего три монеты. Я ж не беру дорого...

Он ржёт, как будто ему смешно.

– Я сказал: иди нахуй. Свинья ты грязная. Да ты ещё и воняешь. Не удивлюсь, если мне потом десятку за лечение платить придётся.

Я сижу и слушаю, и меня накрывает. Как меня заебали эти уёбки. Все одинаковые. Приходят, пользуются, потом плюют. И при этом у них в карманах всегда есть деньги на выпивку, на пожрать, на чужую плоть. А на три монеты – “нет”.

Хочется встать и вышвырнуть его к чёрту. Я хоть и жилистый, но высокий, крепкий. Пацаны говорили: “у тебя фигура как у взрослого”. Я это тоже знаю. Мне пятнадцать, но я давно не выгляжу как “ребёнок”. Это тоже трущобы. Тут тебя либо ломают, либо ты крепнешь.

Я кричу в пустоту, громко, чтобы он услышал.

– Мама, я дома!

У матери голос сразу меняется.

– О, сын пришёл! – отвечает она быстро, будто щитом закрывается.

А этому хуй на всё.

– Да похуй мне на твоего ублюдка, – рычит он. – Прощай. Может, ещё загляну. Если, конечно, нормально помоешься и голову вычешешь.

Дверь скрипнула, и он вышел.

Я увидел его в коридоре. Он был не богач, но и не нищий. Одежда не новая, но чистая. Куртка грубая, ремень потрескавшийся, сапоги сношенные, но целые. Воняло от него табаком и дешёвым спиртом. Такие всегда считают себя хозяевами мира, потому что у них есть пару монет в кармане и они умеют орать.

Кошелек на поясе я заметил сразу. Он висел так, как висит только наполненный. Плотно. С весом.

Он посмотрел на меня и стал лыбиться. Сука. Даже не стесняется.

– О, пацан! Здорово. Мать у тебя, конечно, ещё та шлюха грязная. Да и сам ты выглядишь, как мразь.

Я молчу. Я смотрю. И внутри всё становится тихим, как перед ударом.

“Всё, пиздец тебе, мужик”.

Я не двинулся сразу. Это тоже привычка. В трущобах резкость без расчёта заканчивается тем, что ты падаешь пер-

вым. Я просто дал ему пройти. Дал ему выйти на улицу. Дал сделать пару шагов.

А сам пошёл следом.

Сначала шаг. Потом второй. Потом ещё. Он идёт, даже не оборачивается. Уверенность у таких людей как жир: прилипает к ним, потому что их никто не трогал достаточно жёстко.

И я думаю, пока иду: убить его – это не из любви к матери. Хотя... где-то глубоко она всё равно моя мать. Она тупая, уставшая, иногда злая, иногда жалкая, но она держала меня пятнадцать лет рядом. Семь лет я уже жру сам – то на помойке, то с пацанами делю, то у лавочника украду. Но она хотя бы не продала меня, когда могла. Не отдала тем уродам, которые иногда намекали.

А этот – он просто очередной. Просто мразь, которая решила, что ему всё можно.

Меня зовут в банду давно, я уже и так в этом дерьме по уши. Избить, украсть, обмануть – другого пути я не знаю. И тут ещё одна штука: у меня уже открылся Путь Силы. Я никому не говорил. Потому что в трущобах любой дар – это повод тебя использовать. Я на втором ранге. Это даёт мелочи: скорость, выносливость, реакция. Иногда именно эти мелочи спасают.

Он сворачивает в переулок. Там всегда темно. Там люк к сточной канаве, куда весь город своё дерьмо сливает. Запах стоит такой, будто весь мир сдох и протух. Канаву дав-

но забило, всё бурлит под крышкой, пенится, но не затопило только потому, что где-то снизу протекает по трещинам.

Туда никто не ползет. Никто и никогда.

Идеальное место.

Я иду за ним. И вот сейчас я замечаю: нож у меня в руке. Я даже не помню, когда взял. Будто рука сама знала, что делать. Нож тёплый, пальцы легли ровно, привычно. Это не геройство. Это механика.

Он идёт, насвистывает. Сука, довольный. День удался: шлюху помял, денег не заплатил, медяк при себе, можно ещё к одной заглянуть. Мразь. Тварь.

Я ускоряюсь. Чуть подаю силу в ноги. Не так, чтобы сорваться и шуметь, а так, чтобы сократить дистанцию, пока он ещё ничего не понял.

Подхожу сзади. Почти вплотную.

Нож в ребро. Дальше по дуге.

Он завывает:

– А-а-а! Ах ты уёбок! Ах ты сучонок мелкий! Ты знаешь, кто я?!

Я смотрю ему в глаза. И вижу там не “кто ты”. Я вижу там страх.

– Знаю, – говорю. – Труп.

Он захлёбывается, кашляет кровью, пытается обернуться, ударить, ухватить меня. Я держу его ближе к стене, чтобы он не завалился на меня. Я не хочу возиться. Мне нужна одна вещь.

– Ублюдох... я... я тебя... – булькает он.

– Да пошёл ты, – шиплю в ухо. – Никто тебя здесь не услышит.

Он бьётся ещё секунды. Потом слабеет. Воздух выходит из него с хрипом, и этот хрип будто разваливается на куски. Он оседает к краю ямы.

Я подхожу ближе. Главное, чтобы кошель не свалился. Быстро обшмонать, пока не окочурился.

Ножом – раз – срезаю ремень. Кошель в руках. Шустро. Лезу по карманам: вдруг там ещё медяк затесался. Лишняя копейка – не мусор.

– Ну-ка, посмотрим... – бормочу себе под нос.

Расстёгиваю, заглядываю. Монеты блестят. Даже золото.

Я на секунду замираю. Потому что золото – это не “сегодня пожрать”. Это уже “свалить отсюда”. Это уже “выбраться”.

В карманах ещё рубли, эти новые бумажки. Я морщусь. Бумага бесит. Намокнет – и всё. Сгорит – и всё. А монета тяжёлая, честная. Металл.

И вдруг в голове всплывает чужая мысль – напыщенная, как у аристократа:

“Пойду, пожалуй, в Имперский банк...”

Меня аж передёрнуло.

– Фу, блядь, – тихо сказал я сам себе. – Совсем охуел?

Как будто в мозги кто-то плюнул. Я выдохнул, встряхнул головой, вернул себя обратно: я здесь, в трущобах, и я только

что сделал то, что сделал.

Я пнул его ногой и помог ему свалиться в сточный люк. Дерьму там самое место. Будет среди своих.

Дошёл до дома быстро. Недалеко, минутное дело. По дороге пару раз оглянулся. Не потому что боялся, а потому что привычка: если ты расслабился, тебя режут.

Дверь открыл – а она сидит, ревёт. Синяк под глазом уже наливался. Значит, он ей успел врезать.

Мне стало противно не от жалости. От усталости. От того, что это всё каждый день одно и то же.

Ладно. Дам ей не три, а пять. Пусть хоть на день станет тише.

– Мам, – говорю, заходя, – я догнал этого ублюдка. Пригрозил. Он всё-таки решил расплатиться. Даже чаевые тебе оставил. Смотри – пять медных.

Я достал монеты, положил на стол. Они звякнули. Звон в этой хате звучал почти как музыка.

Она шмыгнула носом, подняла на меня глаза.

– Ой... спасибо, Маркиз...

– Я ж просил, – сказал я жёстко. – Не называй меня Маркизом.

– Ну, Маркизушка... – она попыталась улыбнуться сквозь синяк. – Ну что ты...

– Я Марк, – отрезал я. – Просто Марк.

Она молчала секунду, потом вздохнула. Видно, в ней тоже что-то ломалось. Она не хотела ломаться, она хотела держать

хоть один угол мира под контролем: моё имя.

– Ой, какой ты у меня молодец... – сказала она мягче. – Сегодня, видишь, можем поесть.

– Я к пацанам, – сказал я, уже поворачиваясь. – Лавочник Серёга попросил разгрузить машину. Обещал едой расплатиться. Так что пока не трать деньги, я принесу хавчик.

– А как там в школе? – спросила она, будто ей правда важно.

– Как-как... обычно, блять. Ничего нового. Никто нас ничему толком не учит.

– Не выражайся, – сказала она автоматически. – Ты ж красивый у меня мальчик.

Красивый... ага.

Глаза у меня чуть уже, чем у других. Волосы белые – не блондин, а прям белые, как будто я седой с рождения. Лицо смазливое, местами даже “аристократическое”, и это в трущобах всегда повод. С таким в банде поначалу тяжело. Потом привыкли. Сейчас волосы подлиннее, собираю в хвост. Капюшон или кепка на голову, чтобы меньше цепляли взглядом.

И да, я знаю: пару раз клиенты у матери намекали. Просили “отдать”. Я тогда был мелкий. Я тогда бы не справился. Она не продала. Значит, что-то в ней всё-таки есть. Пусть глупое, пусть кривое, но есть.

– Ладно, мать, я пошёл, – говорю, уже у двери. – Больше клиентов сегодня не принимай. Денег хватит. Серёга, кстати,

обещал хорошо расплатиться.

Я взялся за ручку, и сзади услышал:

– Маркиз... будь осторожен.

Я обернулся. И злость опять поднялась.

– Мать, сколько раз тебе говорить? – сказал я резко. –

“Маркиз” – это титул. Это европейщина. Называй меня Марком.

Она подняла подбородок, и в глазах у неё вспыхнуло упрямство. Не красивое. Больное. Из тех, что растёт на пустом месте, потому что больше нечем держаться.

– А мне похуй! – выкрикнула она. – Я хотела тебя так называть и буду! Мне это слово нравится, и ты мне нравишься! Я тебя не растила для того, чтобы ты мне тут выговаривал!

Я стоял секунду. Потом выдохнул.

– Всё, ладно. Я ушёл. Давай.

Захлопнул дверь и вышел на улицу.

Сумерки сделали трущобы ещё плотнее. Узкие проходы, мокрые стены, чужие голоса, где-то крик, где-то смех, где-то ругань. Я шёл в сторону наших точек и думал о кошеле. О золоте. О том, что это шанс.

Сначала – нычку отложить. Надёжно. Так, чтобы даже пацаны не знали. Не потому что я им не доверяю. Потому что трущобы ломают доверие быстрее, чем голод.

Потом – пожрать. Сегодня хотя бы поем горячего. Сегодня можно угостить пацанов, потому что когда-то они делились со мной последним.

А потом... потом я буду снова искать и собирать. Продолжать откладывать.

Чтобы однажды просто взять и съебаться отсюда.

Глава 2

Нычки – вот, наверное, единственное, что я по-настоящему люблю. Прятать бабки – это кайф. Наверное, уже золотых три накопил, если всё поскребсти. Но это копейки. Мне мало. Я хочу выбраться из этих сраных трущоб. Хочу стать кем-то, а недохнуть под забором, как собака.

Сегодня поймал себя на мысли: я ничего не почувствовал. Ни дрожи, ни блевотных позывов, ничего. А ведь это было первое убийство. Но в этом «ничего» я увидел кое-что другое – возможность. Я сделал за два движения столько, сколько откладывал последние пять лет. Два движения, блядь! И это было не так уж сложно.

Вот он, мой домик. Заброшенный подвал, кирпичик на месте, верёвочка висит, как я её оставил. Значит, никто сюда не совался. Бомжи проходят мимо. Я ж не зря дохлых крыс у входа накидал – чтоб отвадить. В мире Эхо всякое случается. Разломов тут нет, но люди суеверные. Увидели горку мелких трупиков – и думают: «Ну нахуй, тут сама смерть поселилась». Вот и обходят стороной.

А я, выходит, хитрый. Только вот сейчас заметил – на джинсах кровь. Впрочем, похуй, я и так грязный. Денег на стирку нет, а мыться тоже не всегда выходит: вода то есть, то хуй её днём с огнём сыщешь. Вот она, современная империя, мать её.

1880-й год. Вроде бы и водопровод уже есть, и машины пыхтят, и метро в столице роют. Даже трамваи пустили. Но всё это для «города». А трущобы остались в своём вонючем средневековье. Я слышал, где-то уже ракеты сделали, что летят к хуям на пол-мира и врагов сносят. И даже связь для разломов пытаются придумать. А мы тут всё так же жопу листьями подтираем. Как, сука, аборигены.

Спускаюсь в подвал. Смотрю – все мои знаки на месте. Никто сюда не лазил. Подхожу к половице. Ага, вот она, моя любимая деревяшка. Поддеваю, приподнимаю, открываю.

Вот он – мой мешочек с монетами. Ну да, не золотые, медные, но теперь тут и золотой есть. Беру всего два серебряных – хватит, чтобы домой жратвы купить и пацанов накормить. Всё остальное обратно прячу. Пригодится. Всё-таки я наскребу и съебусь отсюда.

Есть, конечно, вариант пойти на службу к аристократу. Но я, сука, ненавижу ариста. Видел, как они приходили к моей матери, когда она была помоложе, лет десять назад. Мы, простолюдины, ещё хоть как-то ценим друг друга и даже шлюх используем нормально. А эти мрази делают, что хотят, особенно бедные аристократы. Им ты хуй что скажешь, а терпеть приходится. Одна из этих тварей и хотела меня купить. Я запомнил его лицо. Барон ебучий. Черкашев фамилия, сука. Знал бы, где он сейчас – может, прирезал бы.

Может, и вправду пожрать с пацанами, а потом на сытый желудок пойти и вскрыть ему глотку. Стоп. Как-то я начал

слишком сильно хотеть убивать. Да и похуй. Убил одного – убью и десятерых. Решил: пойду по стезе убийцы. Сегодня ночью буду мстить тварям, которые издевались над матерью. Не ради матери. Ради денег. Чтобы положить их себе в нычки. Совместим приятное с полезным.

Всё решено. Иду к пацанам, потом пойду резать тварей. Хотя стоп... торопиться не стоит. Надо, наверное, план придумать. Ну да, как с этим уёбаном, который сейчас вместе с говном плавает. Говно с говном, ха, прикольно.

Нужно продумать план. Разведать территорию, изучить. Продумать, как я буду убивать его. И так, чтобы не сесть. Всё-таки, хоть мы и в трущобах, полиция сюда особо не заглядывает, могут и выйти. А я сидеть не хочу, это точно. Я – красивый, меня в тюрьме точно трахнут.

Сука, какое беспонтовое слово – «полиция». Вот раньше были стражники. Хорошее такое, добротное. А сейчас – полиция. Фу. Не люблю новые правила, не люблю изменения в мире. Себя люблю менять, а вот мир менять – не люблю. Приходится учиться, приспособливаться. Зачем, если можно жить спокойно? Особенно такие изменения, которые ничего в себе не несут.

На точку к пацанам пришёл быстро. Как обычно, вся гопкомпания на месте: Эдик, Валера, Сиплый и Лысый. Лысый и Сиплый – их знаю давно, но по-настоящему имён их не знаю; двое других – новички, их семьи только недав-

но обанкротившиеся купцы, переехали сюда жить. Ещё чистенькие – полгода только тут.

Деньги у них закончились, уже три дня как у этих уёбков нет ни копейки. Ладно, покормлю всех уже – хуй с ними. Хотя честно – делиться не люблю. Но понимаю: Лысый много раз меня выручал, когда я с голоду чуть ли не падал в обморок.

Надо идти в таверну жрать. Подхожу к... товарищам:

– Здорово, гондоны, как дела?

– Да пошёл ты нахуй, Марк.

– Ага, и тебе не хворать. Шо, пошли пожрём, пацаны, я денег нарулил.

– Откуда? Где взял? А ещё можем нарулить?

– Не, больше нет.

– А сколько нарулил? Медика четыре-пять? Шо, прям пожрать получится?

– Бери выше – два серебряных.

– Ох, нихуя себе! Ты это чё, блядь, аристократу, блядь, отсосал?

– Да пошёл ты нахуй. Где взял, там больше нет.

– Опачки, малолетки... А у вас, слышал, два серебряных?

Голос за спиной – мерзкий, тянущий, будто детский, хотя этому уёбку уже двадцать пять. Кличка у него громкая – «Король». А для нас он всегда был Коротышка. Полтора метра с кепкой, но умудрился подмять под себя почти всех старших среди мелких банд. Крупняку на него плевать, а вот

мелочью он рулит. Говорят, даже отчисляет бабки тем, кто повыше.

Я сразу заметил, как у Лысого и Сиплого лица поменялись. Эти двое новичков пока не в курсе, с кем столкнулись – не довелось за полгода его увидеть.

Я разворачиваюсь и рычу:

– Коротышка, иди нахуй отсюда. Убью, бля.

Он ухмыляется, как всегда гадко:

– Ой-ой-ой, Маркиз, Маркиз... Ты всё со своей злостью. Пшёл ты нахуй, деньги гони. Нас пятеро, а ты один. Эти четверо все равно будут у нас сосать и нифига тебе не помогут.

– Фильтруй базар, – я шагнул ближе. – Это мои товарищи. Какого хуя ты тут делаешь? Это наша точка.

Он фыркнул:

– Ваша? Ты, молокосос, совсем охуел? Ты же знаешь, все районы держу я.

И тут меня накрыло. Заебалю.

Нож до сих пор в кармане – как раз кстати. Усиливаю ноги, рывок. Я обещал себе не лезть на рожон... да и похуй. Первое убийство всё во мне перевернуло.

В одно мгновение я уже перед ним. Полтора метра росту – и это, блядь, «Король»?

Глава 3

Я уже возле него. Сука – один из них, блядь, тоже по Пути силы, гандон, встал рядом, схватил меня за руку и не дал нанести удар в горло. Похуй – я видел, я быстрее; он успел в последний момент. Значит, ниже рангом, чем я. Я – второй, он, вероятнее всего, первый. Ну значит – и ты тоже сегодня ляжешь, тварь тупая, вместе со своим, так сказать, боссом.

Держит меня за руку с ножиком.

– Ну и хуй с тобой, – шиплю.

Отпускаю нож – он падает, крутится в воздухе. Я вгоняю всю силу в руки, успеваю схватить его снова и рубануть по этому мудаку.

– Сдохни, пидор! – ору и режу ему живот.

Кишки валяются на асфальт, лезут наружу. Сзади кто-то блюёт. Король собирается съёбываться.

Хуй, ты не уйдёшь, – думаю. Жирная свинья, не тренируешься, только пацанов за деньги держишь. А ещё говорят, что ты по мальчикам... Сегодня ты сдохнешь. Большие ты не будешь на этих улицах королём.

Другие трое сразу поняли, что дело пахнет жареным. Выпустили вперёд того, кто считался самым сильным. И вот я ему уже вспорол живот, кишки валяются, запахло говном – значит, стражник, ну, точнее полицейай, не врал: человек умирает – срётся и ссытся под себя.

Меня не тошнит. Мне похуй. Даже приятно. Что-то во мне ломается, меняется. Словно рождается другой человек. Я понимаю, что думаю короче, быстрее. Ноги напитаны силой. Шаг, второй, третий – ускорение. Эхо проходит через мышцы.

Подхожу к свинке, держу нож у его горла:

– По-хрюкай, хрю-хрю, – шепчу. – Хрюкни, сука, я сказал. Может, не захлебнешься своей кровью сегодня.

Он хрюкает.

– Мне не нравится, как ты хрюкаешь, – говорю и вскрываю ему горло.

Вот и всё. Был король – нет короля. Поворачиваюсь назад: его дружки бегут, а мои спрятались за старыми деревянными бочками, смотрят на меня как на монстра.

– Да и пошли вы нахуй, – шепчу. – Сам пожру.

Хуй с ним. Потрачу эти деньги на то, чтобы постирать одежду, куплю новую. Показал им фак и ушёл.

Надо меняться. Надо менять себя. Я решил идти по другому пути.

Посмотрел на себя. Нет... отстирать это уже хуй получится. Значит, нужно идти покупать. Иду к старьёвщику – там можно взять неплохие вещи за небольшие деньги.

Ножик. Надо, наверное, избавиться. Слышал, что есть какие-то отпечатки пальцев и все дела. Нет, в базах-то полицейских меня нет, всегда уходил, ни разу не ловили. Да и кто, бля, будет пускать сильного полицейского в трущобы?

Тут мелочь одна пузатая бегаёт. Я даже некоторых по силе превосхожу – раз на раз бы убил.

Кстати, интересно. Мне не доставляет удовольствия убивать. Меня прёт не сам процесс, а то, что он умер. Что на одну мразь стало меньше. Ну и благородством это не назовёшь. Эти люди мешали мне.

Прошёл пару шагов, потом подумал: а почему бы не проверить карманы? Вернулся. Эти уебаны так и прячутся. Ну и пусть сидят там, дебилы, так и сдохнут здесь, в этих канавах. А я не собираюсь. Я буду другим.

Прошманал карманы. Опа – ещё один серебряный. И бумажка в рубль.

Ну вот и всё. Зажили. Значит, убивать финансово приятно.

А тот, который валяется в кишках... противно к нему лезть. Пусть лежит так.

До старьёвщика недалеко – можно и в крови походить. В трущобах это обычное дело: кто знает, в чьей это я крови – человека или какого-нибудь зверя, которого привезли сюда раздать бедным. Сюда часто свозят тухлятину, «обрабатывают» её – благотворительная помощь. Ел я это мясо – три дня из туалета не вылезал.

Дошёл до старьёвщика. Странный он. Зовут Йося – по-другому никак не представляется. Полного имени никто не знает, но всегда требует, чтобы к нему обращались «Йося». Он никогда не спрашивает, откуда мы ему вещи приносим,

и мы никогда не спрашиваем, откуда у него другие.

– Дядь Йося, здравствуйте.

– О, Маркиз.

– Дядь Йося, вы же знаете, мне не нравится это имя.

– Знаю. Но это твоё имя, и мне приятно обращаться к тебе по нему.

– Понимаю... но вы же сами полное имя не говорите.

– Не говорю. Такая моя хотелка. А к тебе могу. Чё пришёл? Чё продать? Чё стырил?

– Да что сразу «стырил»? – говорю. – Купить хочу.

– О, деньги? Обжился? А, ну да, вижу. Пошёл по стезе?

– Нет, вы что. Я монстра разбирал.

– А, ну да. Давай снимай это. Вынесу что-нибудь подешевле. На два-три медных. Нормально?

– Нет, дядь Йося, давайте что-то посолиднее. Есть что-нибудь получше? – Я задумался. А похуй гулять так гулять, – на серебряный?

– На серебряный? – прищурился он. – О, на серебряный уже есть. Можешь даже цвет выбрать.

Я подумал: *было бы неплохо всё в чёрном. В чёрном легче прятаться.*

– Хочу чёрный батник с капюшоном, чёрную футболку, чёрные джинсы, ботинки новые, сорок первого размера. Всё чёрное.

– Понял. Сию минуту. Там раздевалочка, ведро воды – можешь ополоснуться. На тебя смотреть страшно. Надеюсь,

не твоя кровь?

– Нет-нет, не беспокойтесь.

– А за серебряный я ещё чаю налью и булочку дам, – добавляет Йося.

Хороший он всё-таки человек. Хотя понимаю: то, что он мне продаёт, он купил за пять-десять медных. Поэтому такой щедрый – и чай, и булочка. Но выбирать мне сейчас нечего.

Ну а где мне ещё продадут такое? Не в городе точно. Магазинов одежды в трущобах мало. Есть дешёвые лавки, но там, наверное, вызовут полицию. А дядя Йося – человек хороший. Всё прекрасно понимает. И мы знаем, что старшие ему носят вещи получше – не только в наш город, но и в столицу отправляют. Видели пару раз курьеров с пацанами... Пацанами? Ха, мудаками, блять, будет правильнее. Какие они пацаны, какие товарищи. Он правильно сказал тогда – я один против всех. Эти четверо хуй бы встали. Да, можем гопнуть какого-нибудь алкаша, зная, что победим. Но так, чтобы пойти против кого-то – не пошли бы. Трущобы дают о себе знать. Живём как крысы – выживает сильнейший. А я стану этим сильнейшим.

Пока думал об этом, пообмывался в подсобке. Интересно продумано – видно, я не первый, кто приходит сюда в крови. Ведро – огромное, даже не ведро, а ведрище. Кусочек мыла. Как приятно. Разделся полностью с трусами. Рядом мусорка с пакетом – туда скинул все вещи и ножик. Знал: дядя Йося избавится от всего.

Вышел и задумался. Так, моё оружие – кухонный ножик из дома. Работает неплохо, плюс Путь Силы даёт преимущество. Но надо раздобыть новое, острее. Посмотрел – у дяди Йоси на прилавке неплохой большой кухонный нож. Шеф-нож. Возьму два.

Как раз дядя Йося вышел. А я голый стою. А мне чё? Мне плевать.

– Молодой человек, могли бы прикрыться, – хмыкнул Йося. – Я человек старый, мне завидно. У вас такое молодое и крепкое тело.

– Ой, дядя Йося, – ухмыльнулся я. – Я знаю прекрасно, что вы не по этим делам. Поэтому и стою спокойно.

Он усмехнулся.

– Да, да.

Я знал: он иногда заходил к моей матери не по этим делам. Казалось, он даже её не ебёт, а просто денег даёт, попиздеть приходит, еду приносит. Такой мужик. Ко многим шлюхам ходит, помогает семьям, которым тяжело.

– Ну вот, молодой человек, – сказал он, протягивая пакет. – Дал мне надежду и даже новые трусы. Кстати, трусы и носки вам в подарок. И ещё две пары запасных. Так и быть, на серебрянный немножко сделаю подарков. Не каждый день приходят такие, как вы.

Сказал он без злости, без надменности. Просто понимал: мы многие беспризорники. Да, родители у нас есть, но по сути их нет. И мы выживаем как можем.

Решил переодеться в то, что дал дядя Йося. Удивился: он положил не только батник с капюшоном, но и футболку с капюшоном – будто понял мой замысел и зачем мне нужна одежда. Я и не удивлён – мужик умный, старый. Многие говорят, что он тут уже больше ста лет работает в этих трущобах. Почему не свалил? Денег-то у него достаточно, это точно.

Переоделся – всё село как на меня пошито. Поблагодарил:
– Спасибо, дядя Йося.

Он кивнул:

– Вот, попей чайку. Булочка свежая. Можешь и вторую скушать, если голодный. Денежку только заплати, не забудь.

– Ну да, конечно, – вытащил я серебряный и отдал.

– Вот и молодец, – сказал он.

Сели пить чай, есть булки.

– Ладно, Марк, – заговорил он, – скажи мне, ты уже разобрался, как новыми деньгами пользоваться?

– Ну, примерно, да.

– Ну и отлично. Если хочешь, могу менять тебе новые деньги на старые или наоборот. У меня курс лучше.

– А какой?

– Смотри. Сейчас два золотых меняют к десяти рублям. А я могу поменять тебе полтора золотых на десять рублей. И наоборот – десять рублей могу поменять тебе на два с половиной золотых.

– Ого, а что так выгодно? – удивился я.

– Ну, тут уже другие вопросы, махинации. Это экономика, тебе пока рано знать.

– Да ладно, мне уже пятнадцать, скоро будет шестнадцать. Всё понятно.

– Молодой ты ещё. Да и зачем тебе это? Ты точно не будешь торговцем. По тебе видно, – он грустно посмотрел.

Я улыбнулся.

– Ладно, ты пей чай, а я пошёл, товар переберу. Я же тебе могу доверять?

– Да, конечно. Вы же знаете, у своих я не ворую. Ну, точнее, лишнего не беру.

– Да-да, – посмеялся он и ушёл. – Если кто зайдёт – кричи.

Я допил чай, съел две булочки. Третью не взял: разрешил две – значит, две. Не хочу портить отношения за булочки. Еда в трущобах – дорогое удовольствие. Да и я всё равно собирался идти в таверну поесть. Хотелось хорошего мяса. Даже не кусочка, а куса хорошего стейка, горячей пищи. Заколебался жрать гнилые овощи и сухой хлеб. И матери надо будет взять – улов сегодня неплохой. Нычки не обеднеют. А ночью планирую подзаработать.

Сейчас – поем и лягу спать. Вставать по расписанию могу – Путь Силы даёт такую возможность, позволяет контролировать организм. Интересная способность. Первый ранг дал движение быстрее, удары сильнее, плюс к выносливости. Со вторым рангом появились новые фишки: могу лучше чувствовать тело, направлять импульсы, ставить себе внутрен-

ний будильник. Дома у нас были старенькие часы, которые можно было заводить, но мой внутренний будильник работал лучше. Как-то слышал, что это называется фазами сна. Эти фазы теперь работают так, что я отдыхаю глубже, если до пробуждения много времени. А если мало – глубокие фазы короче, но организм всё равно восстанавливается.

Я встал – и словно дядя Йося почувствовал, что я собираюсь уходить. Вышел, глянул на меня:

– Ты уже уходишь? – прищурился он, кинул взгляд на тарелку, ухмыльнулся. – Если хочешь – можешь взять ещё одну булочку.

– Нет, дядь Йося, спасибо, – ответил я. – Я всё равно в таверну собирался покушать и домой взять еду.

– О, ты и маму хочешь покормить сегодня?

– Да, дядь Йося. За мясо хорошо заплатили. Монстр большой был, видели, как испачкался?

– Да-да, – посмеялся он. – Ну, удачи тебе. Прощай.

Сказал это так, словно прощается со мной навсегда. Станный он всё равно мужик. Хороший, но странный.

Я открыл дверь и пошёл в таверну. Единственная, куда меня могли пустить даже в нормальной одежде и чуть-чуть помытым, – «Белая Таверна». Странное название для одной из самых грязных забегаловок района. Сейчас появились новомодные места, куда нас вообще не пускают. В трущобах их зовут барами.

А ещё шепчутся, что в городе открылись какие-то «дис-

котеки». Там, мол, музыка орёт так, что стены дрожат. Я, правда, не понимаю – как можно «включать» музыку? Её же играют на инструментах. Ну да ладно. Технологии сюда доходят с трудом. По слухам, это какое-то усиление через эхо.

Зажиточные суки живут в городе. Мы же эхо-вещи можем увидеть разве что на картинках. Да и те у нас редкость. Максимум – когда нас вывозят в город на подработки: мусорки чистить, улицы мести. Ну а что? И деньги капают, и улицы чище – вроде всем хорошо.

Платят, правда, хуйню. Последний раз, когда ездил, сказал себе: больше не поеду. В пизду за два медных подметать целый район. Нахуй оно надо. У меня теперь новое дело.

Да, таверный путь, в принципе, был не длинный, но в то же время и не короткий. За это время я начал думать, кого же первого из этих ублюдков, которых хотел бы завалить, навестить. Но решил именно к тому, кто пытался меня купить. Черкашев. Ну, сука, жди – я к тебе сегодня ночью наведаюсь. Барон-то он не крупный, такой средненький, поэтому его-то я сегодня и завалю.

Подойдя к таверне, как обычно, услышал пьяные крики, какие-то дебоши. А мне похуй. Я знал, что там неплохой дядька работает – дядя Виталик. Он иногда подкармливал нас остатками, объедками. Не выкидывал их на пол или в общую кучу, а оставлял отдельно, чтобы мы могли пожрать. Правда, за это всегда была драка среди нас мелких. Но сейчас мы уже постарше, и с пацанами могли... Да какие они,

блядь, пацаны. Пидорасы. Они не пацаны. Пошли они нахуй.

Короче, раньше мы с этими уёбками приходили, жрали у него и отбивали у мелких. Но потом я понял – хреново, когда дети мрут. Когда я нашёл Серёжку мелкого мёртвым, блядь, в канаве. После этого решил: мы не будем больше драться за еду, хотя бы здесь. Будем добывать сами.

А сейчас я был гостем в этой таверне. И, кстати, готовил он неплохо. Я зашёл – всем похуй. Только дядька посмотрел и удивился. Я подошёл к нему:

– Дядя Виталик, можешь сделать две большие порции мяса? – сказал я и специально добавил спокойнее. Да, я умею разговаривать культурно, не только матом. – Что у вас сегодня на гарнир?

Он прищурился, покосился:

– Ты уверен, пацан? Деньги-то у тебя есть?

– Есть, конечно, – кивнул я.

– Сегодня картошка печёная, прямо в печи. Будешь брать?

– Да. Сделайте четыре порции, чтобы на два дня хватило.

– Ну, смотри. С тебя восемь медных. Хлеб нужен?

– Да, и хлеб.

– Тогда десять.

Я засунул руку в карман, вытащил монеты и выложил на стойку. Он пересчитал и хмыкнул:

– Всё, жди.

Хоть он и был грубым, но я понимал – по-другому здесь нельзя, иначе сядут на голову. И хоть к нам он относился

тепло, но внутри заведения никогда не показывал этого.

Я оглядел таверну. С прошлого раза ничего не изменилось: такая же грязная. Большие деревянные столы, стулья, лавки, кружки. Ну а что ещё ждать? Здесь самое разбавленное пиво в трущобах. Зато есть что-то вроде самогона, тоже разбавленного. Говорят, ядреная вещь. Но я, честно, не по алкоголю. Не нравится мне это. Я и видел, что творится с этими алкашами – срут под себя, валяются в грязи, как свиньи. Да, и есть они свиньи.

Я стоял у барной стойки, ждал свой заказ, когда ко мне подошёл какой-то мужик в чёрном плаще. Нагнулся, будто знал меня, и шепнул:

– О, сынок, поздравляю. Первые трое. Думал, сорвёшься раньше... В таком-то месте так долго держаться – редкость.

Я резко повернулся:

– Ты кто, нахуй, такой? Чё до меня доебался? Пошёл нахуй, бомжара ебаный.

– Ого, дерзкий, весь в меня, – усмехнулся он. – Ну слушай, ты не такой, как все.

– Ага-ага, бля... Иди нахуй, заднеприводный. Отъебись от меня, – огрызнулся я.

Ну а как ещё? Хуй пойми кто, в плаще, лица не видно. Не воняет, даже духами тянет – но это ничего не значит. Лучше уж сразу показать зубы. Я знаю, блядь, я симпатичный, и всегда найдётся кто-то, кто захочет меня трахнуть.

– Не злись, – сказал он спокойно. – Ебать тебя я не соби-

раюсь. А вот то, что ты можешь оказаться тем, кто мне нужен, – это да. Но пока рано. В общем, сваливай отсюда.

– Почему?

– Скоро узнаешь.

Он развернулся и ушёл, будто и не было его.

– Вот уёбан, – пробормотал я. – Алкаша белка схватила.

И только тут вспомнил: ножи. Я же хотел взять ножи. Может, у трактирщика получится купить? После Йоси с его булочками и сладким чаем в голове крутилась только еда. Голод, сука, штука такая: отвлекает даже от важного. А ещё вещи новые сбили с толку.

И вдруг понял: мне без оружия стало неуютно. Хотя раньше спокойно ходил с пустыми руками. Теперь же внутри зудит тревога, будто без ножа я голый. Что-то во мне меняется.

Только вот что именно?

Глава 4

Я уже начал волноваться, когда трактирщик должен был принести мою еду. Но... либо тот мужик что-то знал, либо мне сегодня, блядь, просто везёт на уебанов. Потому что ко мне подошли сзади и сдёрнули капюшон.

– Ой, какая милая девочка!

Я ж говорил: все хотят меня трахнуть. Ну вот опять. Как же заебалю.

Я не стригся не потому, что любил волосы, а потому что они, сука, слишком быстро росли. Это выкинутые деньги. Я срезал их ножом, но хвост за неделю снова отрастал. Почему? Хуй его знает. Может, мутация. А провериться у врачей? Какие врачи в трущобах? Иногда жрать нечего было, не то что в поликлинику идти.

Поэтому моё миловидное, аристократическое лицо часто путали с женским. Ну баба без сисек, и что? Жопа у меня накачанная, а мужская жопа, как известно, без целлюлита и всегда красивая. Вот и покушались на неё не раз. Поэтому я и таскал кепку, грязную одежду, чтобы меньше привлекать внимание. А сегодня вышел чистым – и, пожалуйста, цель для трёх алкашей.

И среди них, твою мать, ещё и полицейский.

– Дамочка, может, представитесь? Сядете за наш стол – угостим отличным самогоном. А потом уединимся...

– Слышь, дядь, иди нахуй. Я пацан.

– О, так тем более. Наш друг любит таких, смазливых мальчиков.

И тут меня накрыло – как с королём. Первое, что попало в глаза, – вилка. Лежала рядом. Я понимал: три здоровых мужика против меня, худого пацана – неравный бой. Но у меня Путь Силы. Не знаю, есть он у них или нет. Они бухие, значит преимущество моё.

Недолго думая, хватаю вилку – и в глаз тому, кто ближе. Ладонью проталкиваю глубже. Мозг задет, готово. На поясе у него кинжал. Отлично. Оружие раздобылось. Правда, палёное – придётся потом выбросить.

Второй тянется к оружию. Я чуть быстрее. Он, похоже, тоже с Путём Силы, но бухой, движения рваные. У меня шанс. Выхватываю кинжал, режу по горлу. Что же меня сегодня так тянет горло резать?

Третий, полицай, понял, что происходит. Я надеялся, что сбежит. Но нет – хватается за пистолет. Да мать его, ещё и стрелять собрался. Приходится мочить и его.

Он выстрелил. Я ушёл в сторону. Пуля свистнула мимо. В таверне наступила тишина. Толпа замерла. Два трупа на полу. Третий пытается прицелиться. Не дам. Бью ножом по руке. Отрезал несколько пальцев. Орёт, пистолет падает. Хотел кисть отхватить, но попал только по пальцам. Уже хорошо.

Он побелел, но полез дальше. Я вогнал нож в живот, вспорол. Кишки вывалились на пол таверны. Всё.

Толпа ахнула. Я понял: придётся бежать. Слишком много свидетелей. Всех не завалю. Да и нахуй?

Сорвался с места. Жрать так и не пожрал. Вот день, блядь. Шесть человек за один день. Шесть! Что должно случиться в этом мире, чтобы пацан из трущоб за сутки уложил шесть?

И самое странное – ничего не чувствую. Ни боли, ни горечи, ни рвоты. Ни злости, ни ненависти. Просто убил и убил. Как будто чувства начинают атрофироваться. Потихоньку.

Недолго думая, собираюсь на выход. А куда ещё?

Как раз вышел трактирщик с моей едой.

– Жратву дай!

– Хуй там плавал! – рявкнул трактирщик.

Ну и ясно. Пожрать сегодня точно не судьба. Главное бы на свободе остаться, а не загреметь в тюрьму.

Выбегаю на улицу – и тут же удар в голову.

– Блять! – успеваю только выдохнуть.

Мир плывёт. Теряю сознание. Последнее, что вижу – трое полицейских. Прибежали на выстрел. Сука... когда нужны, их никогда нет.

И последняя мысль перед темнотой: недавно ведь соседку насильовали. Двое аристократов заехали, устроили свои «игрища». Охота на простолюдинок. Визжала, орала – никто не подошёл. А что, против аристократа не попрёшь. Он может убить на месте и потом сам объяснить жандармерии.

Кстати, новое слово – жандармерия. Теперь у нас и полиция, и жандармерия, бля. И всё ради того, чтобы прикры-

вать этих сук. Он придёт и скажет: «Эти двое мужиков меня оскорбили. Сказали, что у меня не зелёные, а пурпурные штаны». Вот за это он их и зарезал. Потому что честь рода задела. Цвет рода у него зелёный. А то, что штаны реально пурпурные, похуй.

Глаза закрываются. Темнота. Сознание уходит.

Пришёл в себя рывком. Спасибо Путию Силы. Голова, в принципе, не болит – регенерация тянет. Удар был сильный, но не смертельный. Даже чувствую, как шишка на затылке стягивается внутрь. Всё как и ожидалось.

Кутузка. «Обезьянник», как его называют. Лежу за решёткой, думаю, что дальше. И вдруг слышу голос:

– О, пришёл в себя.

Опять этот мужик в плаще.

– Ну что, я тебе говорил свалить, а ты остался, – усмехается.

– Слышь, мужик, – поднимаю голову. – Ты-то что сюда пришёл? Трахнуть меня хочешь? Пошёл нахуй, я тебе уже говорил. Отъебись от меня.

– Ну, пошёл нахуй – так пошёл нахуй. Твои проблемы. А я думал вытащить, – бросает он и... растворяется в воздухе.

Сука. Как он это сделал? Я тоже так хочу. Может, и правда стоило поговорить, а не огрызаться? Может, стоит иногда держать язык за зубами. Да похуй. Что мне сделают? Посадят? Так там хоть кормят бесплатно.

Хотя... мои нычки-то останутся. Выйду – и золото уже может никому не нужно быть. Шесть человек. Но они же не знают про всех шестерых. Про троих знают. А жирного уёбка убила его же кент – на таких всем плевать. Первого, скорее всего, вообще никто не найдёт.

Ну вот, тюрьма – это плохо. Особенно если кто-то уже собрался меня «трахнуть» в переносном смысле.

За дверью послышался голос:

– О, очнулся. Ну что ж, идём побеседуем.

– Пошлите, дядя полицейский, побеседуем, – бурчу. Косить под дурака – может, прокатит. Скажу, что пришёл, а они уже валялись мёртвые. Я вообще-то жрачки купить хотел. Хотя вряд ли поверят. В трущобах за своих не держатся – кому нужны проблемы? Легче сразу дать показания, чем потом бегать и выгораживать кого-то.

Передо мной встал мужик. Здоровый, в пиджаке. Но форма не полицейская – канцелярская.

Зачем Канцелярии нужен я? Обычный пацан с улицы.

Он усмехнулся:

– Я не полицейский. Я из Канцелярии. Правда, не из этого региона, но нам нужны люди. Так что идём поговорим – есть для тебя интересное предложение.

– А зовут меня Максим. Максим Романович Васильков.

– Пройдёмте, Максим Романович, – сказал я, ухмыльнувшись.

– Интересно, зачем канцелярии понадобился ублюдок,

сын шлюхи из трущоб? – Усмешка сама собой прилипла к лицу.

Он хмыкнул в ответ:

– Поверь, даже на таких, как ты, иногда находится необходимость. Пойдём в кабинет, там всё расскажу. А то что мы тут, в облёванном, обоссанном месте, будем стоять?

– Тут согласен, – пожал я плечами. – Самому не в кайф в вони торчать.

Он открыл решётку и выпустил меня. Мы пошли по коридорам участка. Стены облупленные, кое-где покрашены убогой синей краской – самой дешёвой, ею в половине имперских контор мажут, особенно в трущобах. Стандарт местный, блядь. Воняет сыростью, тянет холодом. Самое смешное – никого нам не встретилось. Ну а хули, раз такая шишка идёт, все попрятались. Может, и правда из столицы приехал. Но зачем ко мне? Случайность? Проездом?

Так оно и оказалось. Первое, что он бросил, даже не глядя на меня:

– Я тут проездом.

Я едва не заржал. Ну нихуя себе, какой я смышлённый: сам до этого додумался, хоть в школе и болтался как пустой мешок.

Мы зашли в кабинет. Комната пустая: облупленные стены, одна лампа под потолком, тусклый свет падает прямо на стол. Два стула. Он сел, положил руки на стол, кивком показал на второй: мол, садись. Я сел напротив.

– Смотри, Маркиз, – он поднял взгляд и посмотрел прямо в глаза. – Фамилию твою так и не нашли.

– Да у нас, у простолюдинов, фамилий особо и нет, – пожал я плечами. – Хочешь – зови Ивановым, Петровым, хоть Жигловым или Чёрной Мамбой. Как тебе удобней.

Он прищурился, уголок губ дёрнулся:

– Дерзишь?

– А что мне остаётся? – я развёл руками. – Есть шансы, что меня тут помилуют и ещё денег в дорогу сунут?

Он усмехнулся, кивнул:

– Твой запал мне нравится. Смотри. Пока ты валялся без сознания, мы проверили – у тебя второй ранг Пути Силы.

– Ну, это я и без вас знал, – бросил я.

– Хорошо. Но ты понимаешь, что вот-вот перейдёшь на третий? – он наклонился вперёд, будто хотел, чтобы каждое слово врезалось в меня. – А я нашёл твои документы. Тебе всего пятнадцать, скоро шестнадцать. Это отличный показатель. Даже у аристократов с тренерами и подготовкой к третьему рангу подходят только к восемнадцати-девятнадцати, когда их принимают в Академию Магии.

Он резко ткнул пальцем в стол:

– Поэтому у тебя есть два варианта. Первый – тюрьма. За двух убитых мы особо дёргаться не будем, могут и ничего не дать. Сам понимаешь?

– Понимаю, – буркнул я.

– А вот за полицейского... двадцать-тридцать лет. Если

повезёт. А могут и сразу смертную казнь. Всё-таки служитель Империи, законник.

– Второй вариант, – перебил я. – Давайте сразу его. Мне в тюрьму никак.

Он откинулся на спинку стула, всмотрелся внимательнее.

– Почему?

– А вы меня видели, – я ухмыльнулся. – Я их убил за то, что они меня выебать хотели. Ой, извините, ваше благородие, что так выражаюсь.

Он неожиданно расхохотался. Смех гулко ударился в стены, лампа даже качнулась от сквозняка.

– Да нет, я не аристократ. Я такой же простолюдин, как и ты. Ну смотри, – он вытер уголки глаз, всё ещё улыбаясь, – второй вариант тоже не сахар. По уровню почти как смертная казнь, только срок всего три года.

– Ну, если меня там ебать не будут, то, в принципе, согласен.

– Что ж ты так за свою жопу переживаешь?

– Так а чё? Жопа одна. Она сделана не для этого, а чтобы какать. Вот и переживаю. А если поломают – как какать буду? Вдруг по штанам покатится?

– Всё, фу, прекращай! – поморщился он, махнул рукой. – Такой молодой, а уже такой гадкий.

– Поживите в наших трущобах – и не такому научитесь, – хмыкнул я.

– Ладно, вернёмся к делу. Второй вариант. Мы набираем

уголовников. Тех, кто хотя бы выше второго ранга по Пути Силы. Идеально – третий. Ты подходишь. Ещё и молодой. Таких мы отправляем в Красноярск.

– А я-то думал, из столицы вы, – усмехнулся я.

– Почему? – он вскинул бровь.

– Да тихо уж больно у нас в участке. Обычно народу в коридорах как грязи.

– Я тоже удивился, – пожал он плечами. – У нас в трущобах всегда тоже было переполнено. Но я сообщил, что приеду. Вот поэтому и тишина.

– Ну да, преступности у нас, блядь, нет, – хмыкнул я.

Он заржал в голос, даже ладонью по столу хлопнул.

– Хрен с тобой, слушай дальше. Второй вариант – я забираю тебя с собой в Красноярск. Там полгода подготовки в военной академии строгого режима.

– Это как?

– Учебка. Армия. Только специальная. Потом отправляешься в Дикие земли защищать интересы Империи.

– А нахуя Империи в Диких землях делать? Они ж не рядом с Империей, и с Красноярском тоже.

– Тебя это ебать не должно, – рыкнул он, сжал кулак на столе. – Даже меня ты уже достал. Теперь понимаю, почему тебя те трое завалить хотели.

– Не завалить, а выебать, – поправил я.

– Без разницы, – отрезал он. – Так вот. Три года службы. В отдельном подразделении. Сколько вас таких наберётся

– взвод, полк, неважно. Будете воевать, убивать, кровь хлебать. Тебе понравится: ты за один день уже троих грохнул.

Я ухмыльнулся про себя: «Вообще-то шестерых. Но ему знать не надо».

– Так что придётся резать и людей, и монстров. Если выживешь – вырастешь в рангах. В Диких землях скопления Эха выше, прогресс пойдёт быстрее. Плюс деньги.

Я закусил губу. Деньги... Надо бы вернуть. Хотя кому я тут что скажу? Даже если он вернёт, всё равно с собой мне их никто не даст. Скажу – матери. Пусть пожрёт нормально, хоть пару дней пиздой не поторгует. А может, и неделю. Но нычку ему я точно не назову. Хуй знает, спиздит ещё. А у меня там золотой и десять рублей бумажкой припрятаны. Для купца копейки, но для меня – капитал. Выйду через три года – и на старте уже не с пустыми руками.

– Можно вопрос, ваше благородие? – специально надавил я на слова, глядя, как его снова передёрнуло. – А если там всё так радужно, чего вы сами не едете?

– Это тебя волновать не должно, – холодно отрезал он.

– Ну так я понимаю, вы хотите, чтобы я выбрал второй вариант, – сказал я и покосился на бумагу, лежащую на столе.

– Правильно понимаешь. Подпиши.

– А если я писать-читать не умею?

– Не трынди, – он раздражённо махнул рукой. – Всё ты умеешь.

– Кстати, деньги мои верните, – хмыкнул я.

– Эти копейки? – он усмехнулся. – Смешно. После мясорубки они для тебя ничто.

– Ладно, хрен с ним, – подумал я. – Можете не возвращать. Хоть матери отдайте.

Я только фыркнул, но внутри отметил: «Ну уж мать пускай лучше пожрёт, чем они просто пропадут».

– Ладно, согласен. Где расписаться? Кровью или ручкой?

– Ручкой, ручкой, – усмехнулся он.

Он протянул мне ручку. Я взял, расписался на бумаге. Читать толком не дали. Только дернулся глазами пробежать, а он рыкнул:

– Нахуй тебе это? В тюрьму захотел?

Я подумал: «Жопа дороже». Расписался, и всё.

«Сегодня день, который изменил меня полностью. Теперь ещё и в Красноярск отправляюсь... Может, оттуда съёбу. От этого бугая – точно не уйду, но вдруг будет лопух полегче. Тогда и рвану».

– Когда отправляемся?

– Как подпишешь, так и отправляемся. Я уже два часа назад должен был свалить. Тебе, пацан, несказанно повезло. Мы уйдём через портал.

– О, а вот это бонус, – ухмыльнулся я. – За это я могу... Нет, не могу.

Собирать мне, по сути, нечего: всё моё – на мне. Трусы, которые дядя Йося сунул в придачу, да две запасные пары – в карман батника. И пошли.

Вышли из участка – и я охуел. У входа стояла машина. Вся чёрная, лакированная, блестит. Огромная, дорогая, видно сразу – не каждый аристократ может себе такое позволить. Эти железные звери появились всего пару десятков лет назад, и даже среди знати мало у кого они есть. А тут – у канцелярии. Игрушка не для простых смертных.

Я первый раз в жизни сел в такую махину. Металл урчит, рычит, будто зверь внутри. От машины прямо веет силой, и Путь Силы тут же подсказал – внутри дохрена Эхо. Салон – кожа, мягкая, тёплая, пахнет дорого. Я коснулся сиденья рукой – мурашки по коже. Вот это да.

До телепортационной арки нас довезли быстро, без задержек, ещё и без очереди пропустили. Вес у Василькова, похоже, действительно серьёзный.

Зашли в порталный зал. Стены холодные, краска облупленная, но пол вымыт до блеска. Посреди зала – огромная каменная арка. Вроде бы глухая, но переливается, как зеркало из воды: то темнеет, то светится, словно дышит. Красота и жуть одновременно.

Перед аркой стоял клерк в дорогом жилете. Голос сухой, официальный:

– Уважаемые, при первом переходе голова может закружиться, ноги ватные будут, это нормально...

Он всё ещё что-то бубнил, а я про себя только скрипнул зубами: «Да пошёл ты нахуй. Уйди с дороги и дай пройти». И в голове промелькнуло: «Наверное, я один из первых про-

столюдинов, кому повезло в таком возрасте шагнуть в телепорт».

Через портал шагнуть – охуенно. Башка закружилась, ноги ватные, сердце будто остановилось, а потом снова ударило в грудь. Секунду мир вывернуло наизнанку, и всё – другой воздух, другое место.

Красноярск встретил неожиданно. Я думал – холод, север, зуб на зуб не попадёт. А оказалось – пиздят. Температура как дома, жить можно.

Снова машина – такая же чёрная махина, как первая. Я уже знал, что это канцелярские. Сел, и кайфанул не меньше, чем в первый раз.

А потом мне повязку на глаза.

Я понял: в следующий раз развяжут только там, куда привезут. Полигон, значит. Учебка.

Сижу, покачиваюсь в такт ухабам и думаю: «Ладно, три месяца потерплю. Научат хоть драться по-настоящему. А там, может, найду лоха, от которого можно будет съебнуть».

Усмехнулся сам себе. Всё равно лучше, чем гнить в тюрьме. Но вот вопрос: съебу ли я когда-нибудь на самом деле? Или эта дорога уже без возврата?..

Глава 5

Ну, вроде завязали мне глаза. Но нет, мало им оказалось – Васильков ещё и пизданул по затылку. И, сука, если бы хоть в другое место... нет, прям туда же, где шишка. Больно, блядь.

Вот суки, имперские псы. Их что, всех учат одинаково бить в одно и то же место? Прям в ту же шишку...

Как будто я с завязанными глазами мог понять, куда мы едем. Ориентироваться по шуршанию колёс? Ха... я ж в этой шайтан-машине первый раз. Даже не знаю, куда нас несёт...

За один день дважды вырубил, шестерых уложил... интересно... что ещё будет дальше?..

Эти обрывки мыслей мелькнули и растворились. Тьма подкралась, схлопнулась и накрыла меня. Второй раз за день. ывы

Пришёл в себя я уже не в машине. Ни в тепле, ни в уюте, ни в комфорте. Не пахло дорогой кожей и духами Василькова. Пахло землёй. Точнее – песком. И не только пахло: на вкус то же самое. Я лежал мордой в песке.

Нельзя было положить хотя бы на затылок? А, ну да, там же шишка. Позаботились... ага, щас. Не позаботились. Кто-то дёрнул меня за шиворот и потянул вверх.

– Ты хули делаешь, урод? – пробурчал я. – Оставь лежащего. Не видишь, человек отдыхает.

Но ему похуй. Я открыл глаза. Передо мной стоял мужик

в военной форме. Лысый. Совсем лысый – даже бровей нет. А брови-то чем мешали? Или... понял. Мутация.

В глазах плывёт. Он глянул на меня холодно:

– Рядовой Маркиз. Встать в строй.

– Не Маркиз я, а Марк, – огрызнулся я.

Ответа не последовало. Вместо слов – кулак в живот. Так, что дыхание перехватило.

– Команда была: встать в строй.

Хуй с тобой, встану. Чё орёшь, блядь? Не видишь, человек только проснулся.

Я поплёлся в сторону строя. За спиной уже толпились люди – таких же, как я. Кто во что горазд: рваньё, грязь, лица потерянные. Значит, тоже из трупоб.

Возраст тут роли не играл. Вот рядом пацан – мой ровесник. А чуть дальше стоит дед. Чего он сюда приперся? Он же сдохнет ещё до конца этого дня. Просто от старости.

И тут лысый хуй заговорил, когда я встал в строй. Почему лысый хуй? Да потому что я не знаю, как его зовут и запоминать не собираюсь. Пошёл он нахуй. Ещё «здрасте» не сказал, а уже в живот зарядил.

– Если вы сюда попали, значит, вам грозила либо смертная казнь, либо очень долгий срок, – загремел он. – Вы все убийцы. Поэтому Империя решила дать вам, отбросам, шанс искупить грехи. Не гнить десятки лет в тюрьме, не получать пулю в лоб на казни, а всего лишь отдать долг Родине: пройти обучение и отправиться в Дикие земли. Там вы будете от-

воёвывать территории, помогать союзникам и защищать интересы Империи.

– Да пошёл ты нахуй! – выкрикнул кто-то из толпы.

Через секунду у него в башке уже была дырка. Лысый даже не задумался: выхватил пистолет, щёлкнул – и готово. Я не успел толком заметить, настолько быстро. Такая скорость, наверное, только на высоких рангах доступна.

«Хочу так же», – мелькнуло в голове.

Пуля прошла чисто: никого больше не задела. Ну, кроме одного – ухо зацепило. Тот начал выть, но тихо.

– Пока я говорю, вы молчите, – спокойно бросил он. – Хотите обратиться? Тогда слушайте внимательно. Меня зовут сержант Макаров. Если вы хотите что-то сказать, сначала чётко: *«Сержант Макаров, разрешите обратиться»*. И только если я кивну, отвечу или хотя бы посмотрю в вашу сторону – открываете пасть. Лучше дождитесь прямого ответа, чтобы не рисковать. До этого момента вы, гниль, стоите и молчите. Всем ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.